

// Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 2. – С. 26–33.

2. Применение информационных технологий в обучении иностранному языку / В. Д. Николаева [и др.] // Информатика и образование. – 2003. – № 7.

А.В. Полонский

РЕГИОНАЛЬНАЯ ФОРМУЛА КУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ)

Об устойчивом интересе к современной городской культуре, к семантике и семиотике городского пространства говорят многочисленные научные конференции, проводимые как в России, так и за рубежом [1], а также многочисленные публикации, посвященные различным аспектам взаимоотношения человека и городской среды. Научными трудами российских и зарубежных исследователей сформировалась традиция понимания города как социокультурной конструкции [2], которую можно описать в терминах различных наук (социологии, культурологи, семиотики, лингвистики, дискурсологии), пытающихся с различных точек зрения осмыслить сущность этого социокультурного феномена.

Пространство продуцируемых городом культурных смыслов организуется вокруг своих ключевых, дискурсообразующих концептов, среди которых одно из центральных мест занимают концепты (1) «инновация» как потенциальность, созидательность, направленность на качественно новое социальное знание и культурные ценности и (2) «благо» как отражение потребностей, порождаемых городской повседневностью и публично заявляемых ее ангажированными субъектами от имени общества или отдельных социальных групп.

Следовательно, городской культурный текст (образ города) интегрирует все те идеи и все те слова и символы, которые системно или бессистемно, целенаправленно или случайно, продуманно или неосознанно порождаются всеми субъектами коммуникативного пространства города – властью, общественными организациями, масс-медиа, бизнес-структурами, рекламой и рядовыми гражданами. Этим предопределяется тот факт, что городской дискурс как социально обусловленный, ритуализированный способ оперирования смыслами и формирования социального знания разрабатывает социально одобряемый взгляд на повседневность, а его нормативная, ценностно-нравственная парадигма формируется в тесном взаимодействии всех ее субъектов («*Покупайте белгородское молоко*», «*Бум покупать...*»).

Безусловно, на репрезентативность тех или иных смыслов и знаков в

культурном тексте города оказывает влияние, с одной стороны, доступ к средствам массовой информации, с другой – доступ к регулятивным механизмам социальной репрезентации субъектов, а также способность и возможность осуществлять свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей.

Изучение культурного текста современного регионального города дает нам ответы на важнейшие вопросы, формулируемые в условиях современной действительности и процессов глобализации перед лицом настоящего «этического вызова современному человечеству» [3]. Тем важнее зафиксировать направление перемещения в региональном культурном пространстве «фокуса социального внимания», в котором обнаруживаются сущностные характеристики сознания и культуры современного городского социума, современная культурная формула его социального бытия.

Наше внимание было сосредоточено на культурном тексте города Белгорода – «административном центре Белгородской области. Белгород населяет около 355 тысяч человек. Белгород разделен на два городских округа: Западный и Восточный. Являясь крупным транспортным узлом, город имеет международный аэропорт “Белгород” и железнодорожный вокзал “Белгород” [4].

Весьма ощутима в культурном тексте города Белгорода активизация этнокультурных смыслов, обращение к национальным традициям, национальной истории («Три ратных поля», «князь Владимир», «Город первого салюта»), что является основой для формирования когнитивных и культурных канонов, обеспечивающих ощущение единства городской общности и преемственности поколений.

В городском тексте уверенно присутствуют метафоры, эмоционально-символические образы, способствующие не только идейному и эмоциональному объединению города и региона, но и выработке определенной модели поведения («Белый город», «Белый край», «Святое Белогорье», «Белогорье - синие дали», «Город первого салюта»). Вводя их в публичный диалог, городской дискурс обеспечивает превращение географического пространства в мир родной культуры («Белгородская земля по праву именуется Святым Белогорьем: множество православных храмов, монастырей, часовен...»), делает его доступным, «понятным и уютным» [5].

Наиболее заметными в культурном тексте Белгорода являются следующие концепты:

(1) «ярмарка», «выставка», «конкурс», отражающие эмфатизированную направленность на созидание и творчество («Первого марта в Белгороде впервые пройдет ярмарка “Семейные фермы Белогорья”. Со своими лучшими товарами на нее придут фермеры со всех районов области. Горожане смогут купить без наценки мясо, молоко, масло, мед, овощи, фрукты, различные сувениры. А также оценить товары, которых нет в

обычных продуктовых магазинах. Всё можно будет попробовать и выбрать то, что придётся по вкусу. Преимущества предлагаемой продукции заключаются в ее гарантированном качестве, она экологически чистая и производится на территории региона. Кроме того, на проводах зимы всех желающих будут угощать блинами... Пресс-центр губернатора области 27.02.09»;

(2) «праздник» как источник радости от достигнутых успехов и театрализованная возможность их продемонстрировать («В Белгороде отметили Осенний праздник урожая Теплые и солнечные дни с наступлением осени радуют нас все реже и реже. Однако угроза дождя не испугала горожан, пришедших сегодня для празднования Дня урожая к Дому офицеров в Белгороде. Он недавно открылся, но уже активно функционирует, собирая под своей крышей всех желающих отдохнуть и повеселиться. Вот и в этот раз сотрудники Дома офицеров обратили минусы осени на благо горожан. И, безусловно, не ошиблись... Но не только осенним базаром порадовали собравшихся организаторы, а и специально подготовленной концертной программой. И как от самого мероприятия веяло вековой традицией и чем-то славянским, так и в творческом плане это поддержали русско-народными мотивами. Афишка. 28 сентября 2009 г.);

(3) «труженик» как создатель и образец духовно-нравственных и материальных ценностей («Чтобы помнили!» - под этим девизом в Белгороде началось чествование участников ВОВ и труженников тыла». 3 августа 2005 г.);

(4) «Великая отечественная война» как постоянный нравственный ориентир, как подвиг и слава народа-победителя, как судьбоносное событие;

(5) «Бог» как возвращение русского человека к своим «святорусским идеалам», к своим историческим корням («“Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом”. Эти торжественные слова прозвучали седьмого января над Соборной площадью Белгорода в рождественском молебне архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. После рождественских богослужений клир областного центра во главе с архиепископом Белгородским и Старооскольским Иоанном прошёл крестным ходом на центральную площадь города, где отслужил рождественский молебен. После службы перед тысячами белгородцев, пришедшими на площадь, было зачитано послание главы епархии ко «всем верным чадам», а сам Высокопреосвященный Иоанн благословил паству и поздравил её с Рождеством Христовым. Затем белгородцев ожидало праздничное поздравление Деда Мороза и Снегурочки и народное гулянье с русскими песнями и плясками. 8 января 2007 г.);

(6) «храм» как место благодати, света (совмещение веры и просвещения) и единения душ («Белогорье встречает храмами», «Белгород: храмы на местах сражений»);

(7) «родина» как отечество, общий дом, в котором человек родился, как одухотворенная традицией и историей территория («русский мир») с данной ему природой, языком и культурой («Белгород – моя Родина») и некоторые другие (например, «семья», «отцы и дети»).

Однако нельзя не заметить и другой процесс, вызванный чрезмерной эмансипацией эго и фиксируемый в городском дискурсе, – *дедиалогизация*. Одним из важнейших показателей этой потери является постепенный уход из регионального медийного дискурса слов, выражающих оценку степени реальности или истинности того, что утверждает говорящий, то есть таких, как *кажется, может быть, наверное, возможно*. Это важные слова, ведь при их посредстве человек ищет другое сознание, ищет помощи, поддержки или опровержения, ищет диалога. Потеря адресата как «ответного сознания» едва ли обеспечивает эффективное отыскание выхода из любой критической ситуации. В этих условиях усиливающийся эгоцентризм становится основой интолерантности как неуважительно-агрессивного отношения к другому, его неприятия как альтернативно истинного, поскольку *другой* не воспринимается как равный, обладающий правом на собственное мировидение и мирочувствование.

Кроме того, городской дискурс фиксирует социокультурные процессы, формируемые диктатом рынка, на котором сегодня востребованы прежде всего любые эмоции, «низкие смыслы» [6] и все формы посягательства на «элитарную культуру» («Пивомания», «Бум покупать...»). Это приводит в движение механизмы культурно-стилистического снижения.

Среди них наиболее значимые: (1) *вульгаризация* – обращение к наиболее простым, сниженным формам культуры и культурных практик как к санкционированным обществом культурным эталонам («Спешите к нам, мужики и бабы, мы вам товар дадим неслабый»); (2) *дисфемизация* – целенаправленное огрубление речи, представленное стилистически сниженной эмоционально-оценочной лексикой, эпитетами и метафорами «на грани фола» («Телеки идут», «забойный фильм») и др.

Концепт, слово, как известно, хранят фрагмент коллективного сознания, поэтому культурный городской текст обнаруживает социальную симптоматику и выбор обществом направления своего движения.

Литература

1. «Россия: воображение пространства / пространство воображения: Международная научная конференция, Москва, 27-28 марта 2008 г.; Третья городская конференция «Памятники истории, культуры и архитектуры г. Саратова» (2 декабря 2008 г.); «Городская культура в XXI веке: стратегии инновационного развития»: Заочная Международная научно-практическая конференция, проводимая в рамках международного проекта «Мир вокруг нас» (ЮНЕСКО) в г.Сызрани Самарской области

(14.09.2009 - 29.11.2009); «Żywio owe rozprzestrzenianie się miast „Urban Sprawl”»: Krajowa konferencja naukowa (20-22 października 2005 r. Kazimierz nad Wisłą) и др.

2. Левинсон А. Город и ценности // Левинсон А. Опыт социологии: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 12.

3. Аксеновская Л.Н. Экстремизм: Смысл и результат // Экстремизм и средства массовой информации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Астерион, 2006. – С. 10 – 11.

4. Белгород. Белгородский городской портал // <http://www.vbelgorode.com/>

5. Козолупенко Д.П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах). – М.: Канон + 2005. – С. 3.

6. Кокшенева К. А. Революция низких смыслов. – М., 2001.

Е.А. Правда

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ И СЕРБОВ ДРУГ О ДРУГЕ (экспериментальные исследования стереотипов восприятия)

Современные принципы обучения иностранным языкам ориентируют преподавателей на „развитие индивидуальности в диалоге культур” [3:13], „обучение межкультурному общению” [2: 29]. Это обуславливает повышение интереса к вопросам восприятия учащимися стран изучаемого языка и носителей изучаемого языка как будущих партнеров по межкультурной коммуникации, преодоления негативных стереотипов восприятия (ср., напр. [6,7]).

Причины возникновения негативных стереотипов восприятия одних народов другими, факторы, влияющие на существование и развитие этих стереотипов, во многом связаны с историей международных отношений, с международной политикой – поэтому их изучение лежит за пределами собственно лингвистики. Однако для преподавания иностранных языков имеют значение социолингвистические и психолингвистические исследования, которые проводятся, в частности, в целях описания особенностей коммуникативного поведения представителей разных народов – см. сборники научных трудов из серии „Коммуникативное поведение” под редакцией проф. И.А.Стернина, выходящие в Воронеже [Русское и финское коммуникативное поведение 2000; . Коммуникативное поведение славянских народов 2006 и др.].

В рамках исследования стереотипов восприятия славянских народов в 2004 г. были проведены эксперименты по выявлению стереотипов воспри-